

Какой консерватизм нам нужен: наследие русской консервативной мысли и актуальная политика

Консервативный запрос, который сформировался в нашем обществе, требует обращения к наследию российской мысли: и консервативной, и в целом русской философии, русской публицистики. Потому что нельзя строить на пустом месте. Как писал Константин Леонтьев, нужно уметь делать реакцию.

В свое время, когда я писал первую курсовую работу, в статье Ярослава Добролюбова мне попала замечательная цитата, посвященная известному примеру у Леонтьева в первой главе «Византизм и славянство». Думаю, вы помните, он там описывает, как персидские вельможи один за другим, чтобы спасти Ксеркса, бросаются с корабля, предварительно поклонившись царю, и тем самым облегчают судно, позволяя ему доплыть. Леонтьева это восхитило как пример самопожертвования во имя государственной религиозной идеи. Комментируя довольно остроумно этот фрагмент, Добролюбов написал: «В итоге благонамеренный интеллигент, воспитанный, как и все мы, на Бахтине, Лотмане, Аверинцеве и Галиче, откровенно пугается, когда обнаруживает, что сознательное усвоение консерватизма, к которому его побуждает естественное патриотическое чувство, должно начинаться с понимания великого смысла самоутопления персидских вельмож ради спасения шахиншаха, умилительно описанного в первой главе леонтьевского «Византизма и славянства». Наверное, многие (да все почти) признают красоту образа, силу слога, глубину мысли, но как применить эту радикальную консервативную романтику к российской политике – остается загадкой. Следует ли отсюда необходимость топиться за Путина, его утопить или пойти и заплатить налоги?»¹. С тех пор прошло много времени, и вопрос превратился из вечерних мечтаний в актуальный вопрос сегодняшней политики. Тем не менее понятнее не стало, дело обстоит так же, как и тогда.

Смысл моего доклада – вкратце обрисовать те идеи, концепты, направления, имена, которые, на мой взгляд, должны войти в состав... Не буду использовать слово «идеология», поскольку она у нас в Конституции в качестве обязательной запрещена. Скажу по-другому: ...консервативной доктрины для России. Начнем с начала.

У нас, заслуженно или нет, не знаю, но одним из отцов-основателей консерватизма считается Николай Михайлович Карамзин. Его значение как консерватора не ограничивается теоретической работой «Записка о древней и новой России», но основывается прежде всего на «Истории государства Российско-

¹ Добролюбов Я. Как делать реакцию (М.Н. Катков. Имперское слово. М.: Редакция журнала «Москва», 2002. Серия «Пути русского имперского сознания») // Отечественные записки. 2002. № 4–5.

Авдеев Олег Константинович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор проекта «Актуальный русский консерватизм». E-mail: epoha@list.ru

го». Карамзин не только первый наш историк, но и первый наш консервативный историк. Какие элементы, того, о чем писал Карамзин, я считаю необходимым заимствовать? Это прежде всего пронизывающий все его тексты историзм. Известная цитата: «Настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее». Думается, составляя какие-то консервативные проекты, требуется руководствоваться тем же принципом, что и Карамзин, то есть не писать, не вводить никаких положений, никаких понятий, концепций и конструктов, которые не выводились бы в качестве органической, уже имевшей место формы или доказавшие свою жизнеспособность в истории России. Это я ссылаюсь на его теоретическую работу, где он ссылается на царствование Екатерины (вот тогда сработало), на царствование Павла (вот тогда не сработало), и никак иначе. Примеры же, не укорененные в российской истории, не приживутся.

Вторым пунктом в его творчестве, который, на мой взгляд, имеет право стать одним из положений нового русского консерватизма, должен стать персонализм проводимых властных реформ. Приведу более пространную цитату: «Одна из главных причин неудовольствия россиян на нынешнее правительство есть излишняя любовь его к государственным преобразованиям, которые потрясают основу империи, и коих благотворность остается доселе сомнительной. Главная ошибка законодателей сего царствования состоит в излишнем уважении форм государственной деятельности. Оттого изобретение различных министерств, учреждений совета и прочее. Дела лучше не производятся. Только производятся в местах и чиновниками другого названия. Последуем иному правилу и скажем, что не формы важны, а люди. Пусть министерство и совет существуют. Они будут полезны, если в министерстве и совете увидим только мужей, знаменитых разумом и честью».

На мой взгляд, фрагмент этот звучит весьма актуально, потому что мы постоянно проводим некие формальные перетасовки, укрупняем регионы, раздробляем регионы, меняем функционал отдельных органов государственной власти. А консервативная позиция звучит несколько иначе. Переводя процитированный текст Карамзина на современный русский политический язык, сформулируем это так: консерватор во власти должен отдавать предпочтение кадровой воспитательной работе перед структурными реформами и бесконечным перетряхиванием организационно-штатного расписания.

Карамзин обращал внимание на то, что Россия, как известно, страна большая, и особую актуальность это имеет в случае с нашей региональной политикой, потому что уже в его времена Россия делилась на более чем пятьдесят губерний. И если будут пятьдесят правильно подобранных государственных служащих на местах хорошо отправлять свои обязанности, то и не важно, как будет называться совет, будет ли он один или их будет два и по какому принципу он будет формироваться. Звучит немножко банально. Вспоминаются жаркие дебаты о том, должны ли губернаторы избираться или назначаться. Вспоминается и то, что они у нас и избирались, и назначались, и ничего не поменялось. Может быть, к Карамзину стоит прислушаться?

Наконец, свойственный текстам Карамзина идеал высокой гражданственности, который идет еще от классической древности. Сейчас в политике имеет место ложная дилемма, когда отношения правителя и народа рассматриваются либо в парадигме «пастух и стадо», либо, более возвышенно, «пастырь и его паства», либо в гражданской парадигме. При этом слово «гражданин» узурпировано либеральной частью нашей интеллигенции, которая фактически оставила это название только за диссидентствующими гражданами. Если же мы обратимся к тексту Карамзина, то там есть и другое понимание гражданских добродетелей. Это не столько критика правительства или бдительный контроль за

тем, как опускаются бюллетени в избирательную урну, сколько служение Отечеству. И тогда получается, что честный государственный или муниципальный служащий гораздо в большей степени достоин звания гражданина, нежели пожизненный диссидент.

Другим мыслителем, чьи тексты должны войти в канон и чьи взгляды должны быть использованы, является Николай Яковлевич Данилевский, чьи уроки не только непрерывно подтверждались на протяжении всей нашей истории, но и подтверждаются на протяжении этого года: и в цивилизационной агрессии Запада на Украине, и в продолжающихся безуспешных попытках задушить экономику России и консервативно-патриотический порыв россиян санкциями и другими принудительными мерами. В книге «Россия и Европа» Данилевский дал ответ на вопрос, почему так происходит. Казалось бы, защищая свои законные интересы и даже ничего не защищая, просто отправляя гуманитарный конвой на Украину, мы встречаемся с таким противодействием и непониманием. А то, что России делать нельзя, можно делать кому угодно. Приведу цитату: «Так действуют правительства Европы. Общественное же ее мнение еще более враждебно и стремится увлечь за собой даже те правительства, которые, как прусское и некоторые другие германские, по разного рода побуждениям не желали бы разрыва с Россией. Откуда же это равнодушие к гуманной, либеральной Дании и эта симпатия к варварской, деспотической Турции, – эта снисходительность даже к несправедливым притязаниям Австрии с Пруссией и это совершенное неуважение к самым законным требованиям России? Дело стоит того, чтобы в него вникнуть. Это не какая-нибудь случайность, не журнальная выходка, не задор какой-нибудь партии, а коллективное дипломатическое действие всей Европы, то есть такое обнаружение общего настроения, которое менее всякого другого подвержено влиянию страсти, необдуманного мгновенного увлечения».

Данилевский, во-первых, постулирует, что Запад не понимает Россию не потому, что Россия плохо себя показывает. Поэтому все наши ужимки и прыжки, связанные с правильной демонстрацией, заведомо обречены на неуспех. Во-вторых, он объясняет это еще одним принципиально важным тезисом, который должен лечь в основу новой российской консервативной доктрины – речь идет о его цивилизационной концепции. Михаил Александрович [Маслин. – Ред.] констатировал, что китайцы ценят Данилевского за то, что он впервые ввел понятие культурно-исторических типов и впервые описал Китай как отдельный культурно-исторический тип. Для нас это тоже важно, потому что только в рамках такого подхода можно как-то обосновать значимость и смысл новой консервативной доктрины. Данилевский впервые описал и отдельный славянский культурно-исторический тип, правда, с тем, насколько он славянский, есть некоторые сложности.

В этом вопросе Данилевского дополняет Константин Николаевич Леонтьев, третий автор, которого я хотел бы назвать. Каковы пункты леонтьевской мысли, которые я считаю принципиальными для новой консервативной доктрины. Это, во-первых, его критика славизма, или панславизма, такого представления о славянском культурно-историческом типе. Леонтьев был первым, кто последовательно проводил мысль о том, что славизм, рассмотренный научно, честно, – это фантом. Знаменитая цитата: «Представляя себе мысленно всеславизм, мы получаем только какое-то аморфическое, стихийное, неорганизованное, почти подобное виду дальних и обширных облаков, из которых могут образоваться самые разнообразные фигуры». Ничего специфически славянского, кроме деления на разные лагеря и участия во всех исторических событиях по разные стороны баррикад, мы в истории не видим. На место славизма Леонтьев предлагает свой идеал – византизм. Не будем здесь обсуждать, насколько

он прав или неправ. Отметим другое: Леонтьев разрывает связь племенного начала, этнического начала и культурно-исторического типа. И теперь, когда мы говорим «Рим», «Европа», «Китай» или «Россия», мы имеем в виду не столько государственную форму отдельных племен, сколько некие установки духа. То, что потом Шпенглер будет называть прасимволом. Отсюда вывод Леонтьева: «Любить племя за племя – натяжка и ложь. Другое дело, если племя родственное хоть в чем-нибудь согласно с нашими особыми идеями, с нашими коренными чувствами». Что это означает для нашей актуальной политики? Это означает отказ от интерпретации понятия «русский мир», или «русская цивилизация» в чисто этническом контексте и от апеллирования к парадигме национального государства.

Вторым важным для этой темы пунктом учения Леонтьева является особый дискурс личности и индивидуальности в его творчестве. Критерием развития он считает обособление и индивидуацию. Соответственно, это применимо и к антропологии – большее количество разнообразных типов свидетельствует о зрелости общества. Индивидуальность же человека свидетельствует опять же о степени его развития. То же касается народов, государств и обществ. Отсюда Леонтьев делает вывод, что индивидуализм губит индивидуальность людей, областей и наций. То есть развитие индивидуализма вредно для развития человеческой личности, а развитие национализма вредно для проявления культурной самобытности отдельных национальностей.

Наконец, третьим леонтьевским началом, которое пригодилось бы будущему российскому консерватизму, я назвал бы его консервативный концепт свободы, который можно найти в предисловии, комментариях и даже в самом варианте перевода, потому что перевод довольно вольный, сделанный Леонтьевым, работы Джона Стюарта Милля «О свободе». В понимании Леонтьева есть свобода ложная, либерально понятая, есть свобода истинная, которая суть свобода самобытного развития, для которой необходимы внешняя опора и ориентиры: государственность, религия, какие-то внешние границы и даже воспитательное принуждение. В таком случае консерватизм позиционирует себя не как враг свободы, а как отстаивающий правильную свободу против ложной.

Четвертая фигура, которую я хочу назвать и о которой сегодня уже говорилось, – это Николай Устрялов, являющий собой, наверное, наиболее удачный пример преодоления той пропасти, что разверзлась в русской истории в начале XX века. Это пропасть между красными и белыми в самом широком смысле слова. Не только между сторонниками марксизма-ленинизма и православными монархистами. Пропасть пролегла между практически всеми нашими течениями. Даже сегодня мы были свидетелями довольно яркой полемики на эту тему. Мне представляется, что создатели новой консервативной доктрины, если они желают для своего детища успеха и практической пользы, должны суметь, подобно Устрялову, разглядеть за XIV съездом РКП(б) «Собор XX века» (цитирую название его работы), увидеть в обсуждении идеологии споры о вере. Вместе с Устряловым увидеть, что советский «социализм не только тенденция закономерного развития социально-классовых сил, но и явление нравственного порядка, этический постулат». Вместе с Устряловым они должны попытаться найти некий синтез этих разных страниц и истоков российской истории.

Не могу не согласиться с высказанным уже Алексеем Ивановичем [Болдыревым. – *Ред.*] тезисом о том, что власть сейчас лишь пытается посылать какие-то консервативные сигналы. Никакой идеи, формулировки того, что мы хотим, нет. Это задача для нашего интеллектуального сообщества, главный пункт повестки дня. Мне кажется, что тот первым добьется успеха, кто сможет в своем предложении, в своих текстах, в своей доктрине объединить два противоположных начала: советское и российско-имперское, Красный проект

и православную цивилизацию. Понимаю, что звучит немножко дико, но искать такие возможности – наш прямой долг. Уже многое сделано в этом отношении на путях официально-государственных. Взять хотя бы довольно удачное, на мой взгляд, сочетание государственной символики. Орел в качестве герба, советский гимн и народно-российско-белогвардейский бело-сине-красный флаг. Звучавшая не так давно, при всем различном отношении к этому персонажу, идея десталинизации России в этом плане выглядит не сильно лучше, чем тексты советских учебников про то, что Российская империя была тюрьмой народов. Не надо ничего ни деимпериализировать, ни десоветизировать. Наоборот, надо пытаться искать некие инварианты, которые в советское время победили коммунистический догматизм, позволили стране перейти к державному строительству и которые пробивались сквозь официоз Российской империи.

Наконец, пятое, что я назвал бы – это уже не персонаж, это течение, – евразийство. Не буду подробно останавливаться на том, о чем уже говорил Михаил Александрович [Маслин – *Ред.*]. Безусловно, в евразийстве было много романтически надуманного и много политически ангажированного. Но тем не менее это единственная серьезная российская геополитическая концепция, наш ответ Маккиндеру и Хаусхоферу. И нам следует принять как данность концептуальный багаж этого течения, даже не принимая его основных постулатов. Но то, что для России характерно особое месторазвитие, и то, что это месторазвитие накладывает определенные обязательства и дает нам в мировом спектакле определенную роль, должно стать постулатом уже не нео-, пост- или еще какого-то евразийства, а новой консервативной концепции.

Подводя итоги. Я не претендую на то, что озвученный список носит исчерпывающий характер. Этот список можно и нужно дополнять именами, тезисами и инвариантами русского мировоззрения, русского мира, русской цивилизации. Все это нужно найти, собрать, сформулировать, инкорпорировать в единое целое. Это цели.

А в качестве метода и средств я вижу существующие, возникающие сейчас интеллектуальные площадки. Как старые, вроде Леонтьевских и Страховских чтений, так и новые проекты Фонда ИСЭПИ – альманах «Тетради по консерватизму», сайты «Русская idea» и «Актуальный русский консерватизм», а также форум «Бердяевские чтения».

М.А. Маслин. Карамзин говорил: «воруют». Хомяков: «неправосудие, крамолы, разбой». Пока они будут продолжаться, как можно все-речь говорить о консервативной политике? В этом отношении письмо Белинского Гоголю звучит как вполне консервативный документ: соблюдать хотя бы те законы, которые имеются.

О.К. Авдеев. Ну, будет публичная порка, можно даже на Лобном месте. Может быть, в названном Карамзиным «воруют» инварианте российской истории тоже можно видеть некую консервативную мудрость? Бороться с коррупцией нужно. Но нужно понять и принять, что как бы мы с ней ни боролись, при наших размерах, при особенностях нашего устройства, при особенностях национального менталитета, такое явление есть.

Б.В. Межуев. Как, на ваш взгляд, соотносятся между собой консерватизм и то, что можно назвать представлением о России как о цивилизации? Не совсем ведь это легко сочетается. Сошлюсь на Вадима Цымбурского. Его спросили, как он относится к теме консерватизма. В конце 1998 года была дискуссия по книге Гюнтера Рормозера о консерватизме. Цымбурский сказал, что как сторонник цивилизационного подхода он не принимает идею консерватизма и не называет себя консерватором, потому что считает, что у России особое время, особая темпоральность и сейчас мы живем в эпоху XVII века. То есть в ту самую эпоху, о которой мы спорили с Анатолием Владимировичем Черняевым, в эпоху Реформации, Контрреформации, для которой термин «консерватизм» не подходит. У нас сейчас имеет место фактически становление государственного абсолютизма, становление мощного централизованного государства после некоторой феодальной фронды. Представление об особой цивилизации актуализирует вопрос – стоит ли держаться за некие начала? Может быть, надо, наоборот, развивать какие-то собственные силы... Это первый момент. Второй момент. Стоит ли блокироваться с западными консерваторами, если мы – особая цивилизация? Этот вопрос, я считаю, был главным для славянофилов. Нужно ли считать, что их консервативное начало и наше консервативное начало совместимы? То есть их католическая церковь, которая борется против аборт,

и наша православная церковь, которая борется против аборт, они между собой как-то сочетаются? Их государственность и наша государственность – одно и то же? Для XIX века еще важен был сословный порядок. Если мы – отдельная цивилизация, может быть, наоборот, мы заинтересованы в поддержании крайне революционных сил в Европе, чтобы разрушить их цивилизацию и тем самым, соответственно, укрепить свою? Так считали довольно многие консерваторы. Но самый классический пример – Федор Иванович Тютчев, который в 1870-х годах откровенно писал, что нам надо сделать ставку на красный Запад, который и есть наш союзник против консервативного Запада. Не кажется ли вам, что такое легкое, простое, безрефлективное сочетание консерватизма и цивилизационного подхода требует серьезного обозначения? Как вы решаете эти две проблемы?

О.К. Авдеев. Даже три. К сожалению, не запомнил фамилию оратора, которого вы цитировали про XVII век. Честно говоря, этот конкретный пример мне представляется несколько странным, что в России сейчас происходит образование централизованного государства. Насколько я помню наш учебник истории, у нас после татаро-монголов оно было централизованным до невозможности, за редкими перерывами. Но тем не менее я вопрос понимаю. Всегда ли цивилизационный подход требует консерватизма и наоборот? На самом деле, да. Другой вопрос, в чем наша цивилизация заключается, когда она возникла и что именно мы должны сохранять? Но сам по себе цивилизационный подход просто логически предполагает, что у каждого культурно-исторического типа есть какие-то свои ценности и он их должен сохранять. Развивать, но и консервировать. Вопрос: что ими является? Вот здесь, на мой взгляд, большая площадка для дискуссии. Потому что можно интерпретировать российскую историю по-разному. Можно сказать, что наша великая русская цивилизация началась с Рюрика и пытаться оттуда вывести некие ценности. Можно попытаться ассоциировать Россию с Византией и с восточно-христианской образцованностью, используя слово Леонтьева. А можно вообще сказать: Леонтьев был прав, период

тысячедвухсотлетней истории России закончилась, она умерла, на ее месте родилась новая советская цивилизация, и мы в ней сейчас живем. То есть тут достаточно большое пространство для маневра. Но как бы мы этот вопрос ни решили, у нас на выходе появятся цивилизационные ценности, которые предполагают сохранение, то есть цивилизационный консерватизм.

Что же касается блокирования со странами Запада, я обратился бы к Данилевскому и сказал, что блокироваться можно с кем угодно. Дружить лучше, чем не дружить. Худой мир лучше доброй ссоры. Кстати, возвращаясь к вашему вопросу о правых и левых. Скорее всего не надо тут определяться, надо дружить с теми, кто хочет с нами дружить. В Германии с партией “Die Linke”, а во Франции с Марин Ле Пен. Но надо всегда помнить, что сегодня они с нами дружат, а завтра, не в силу личных качеств, а в силу объективной исторической закономерности, Европа в очередной раз пойдет на нас войной, надеюсь, фигурально выражаясь. Поэтому ориентироваться нужно не столько на Запад, сколько на Восток. А лучше вообще вспомнить Александра III и ориентироваться на армию, флот и, может быть, еще РВСН.

М.А. Маслин. Получается, что самое важное консервативное оружие – это атомные подводные лодки. Вот и все? Это скорее опора консерватизма. Но все-таки хотелось бы услышать более конкретно. В общем плане понятно – дружить с теми, кто нас любит. Сегодня любит, завтра не любит. Но это не актуальная политика.

Б.В. Межуев. Тут вот еще какой момент. Чтобы полюбили, надо что-то... Они же нас не просто нас любят за красивые глаза и красивые лица наших девушек. Они любят за какую-то нашу ценностную позицию. Невозможно же просто... этот сказал о нас хорошо – дружим с ним. Хорошо, что есть Декардье, который нас любит, скорее всего за свободу жизни. Но далеко не все такие. Нас кредитуют за какие-то определенные наши установки. И весь вопрос, какие установки должны быть. И должны ли они вообще какие-то быть здесь. Вот вы говорите «цивилизационное начало». А романо-германский культурно-исторический тип, он цивилизация? Да, цивилизация. Он верен своим культурным началам?

Вряд ли. Это хорошо или плохо? Но мы видим, что он пока господствует. Я с вами согласен – не то чтобы я спорю. Но здесь важно обнаружить связку между идеей цивилизации и идеей консерватизма. Самая простая идея была бы – мы с вами вместе против общего революционного врага.

К.С. Бенедиктов. Почему Тютчев был за красный Запад? Потому что у него перед глазами был 1848 год. Когда, прошу прощения, австрийский консул плакал, обнимая сапоги Паскевича, и умолял того пойти на Венгрию. Мы пошли на Венгрию, раздавили венгерское восстание, а через шесть лет получили от Австро-Венгрии удар в спину во время Крымской войны. Благодаря чему отчасти и проиграли. Поэтому, мне кажется, в данном случае «друзья» – это не та категория. Возможны какие-то тактические союзы, которые в данный момент выгодны, причем надо всегда просчитывать на два хода вперед. Если мы сейчас поддержим консерваторов, например, во Франции, что мы получим в перспективе? Дружественную Францию или какой-то альянс, направленный против нас?

Б.В. Межуев. Существует огромное количество людей, предельно консервативных, которые считают, что Россия ошиблась в том, что так обиделась на Австро-Венгрию. Россия должна была дружить с австрийцами, потому что они консервативны и нам близки, а мы поддержали Францию, в конечном счете, через ряд итераций, связанных с попыткой заключения союза трех императоров. И в результате обрели себя на катастрофу. А вот были бы мы верны консервативному союзу с Германией и Австро-Венгрией... Давайте поглубже посмотрим на эту драму. Россия все время ищет союзников. И все ее проблемы, в том числе славянофильство и консерватизм, объясняются тем, что каждый раз эта ставка оказывается какой-то проблематичной.

О.К. Авдеев. Мне кажется, мы смешиваем два разных понятия. Если мы говорим о цивилизационных симпатиях и поддержке на уровне народном, когда мы смотрим сводку новостей, за кого-то болеем, то тут, наверное, можно построить целую концепцию, кто нам ближе.

С одной точки зрения, в силу нашей истории, можно быть каким угодно славянофилом, но бесспорно то, что отечественный культурно-исторический тип и европейский культурно-исторический друг другу ближе, хотя бы благодаря христианству, чем русский китайцу. Во-вторых, если мы становимся на консервативную позицию, то консервативные силы во всех странах нам идейно и духовно близки. И можно поэтому смотреть телевидение и болеть за то, чтобы на выборах победила Марин Ле Пен. Но это некий ценностный аспект. А реалполитик никакого отношения к ценностям не имеет. И поддерживать деньгами или еще чем-то на выборах во Франции или в Германии нужно того, кого будет выгодно поддержать. Политика цинична и ценностного измерения не имеет.

Б.В. Межуев. Это вы зря так, что она цинична. Очень много союзов возникает, исходя исключительно из ценностных оснований, и они потом оказываются довольно прочными. Тот же самый союз США и Великобритании или США и Польши. Не говоря уже о нынешнем альянсе между Европой и Соединенными Штатами на либерально-ценностной основе. Ценности, конечно, не абсолютны, но они очень значимы в политике.

А.Ю. Минаков. Хотел бы задать несколько вопросов. Конечно, это очень интересно и важно рассуждать о потенциальных политических союзниках в лице западноевропейских консерваторов. Но вот вопрос. А какие реальные консервативные силы внутри страны? Где наши тори с их традициями? Те самые тори, которые будут существовать в течение десятилетий, не меняя свои ценностные установки. Какие социальные слои могут быть носителями консервативных ценностей? Это и вопрос, и констатация факта. Вообще русские консерваторы не оказывали слишком сильного влияния на внешнеполитические альянсы. Они играли очень важную роль во внутренней политике в годы войн и обострения кризисов. Скажем, консерваторы сыграли исключительную роль в войне 1812 года и последующих походах русской армии на Запад. Именно тогда они всплыли на политическую поверхность. И, по

сути дела, с тех пор представляли собой некий политический мейнстрим Российской империи. Или возьмем события 1905–1907 годов, когда именно консервативные силы подавили поднимающуюся красную волну. Другой вопрос, что власть, используя консерваторов, в обоих случаях их потом, что называется, сливала – фрагментировала, компрометировала, отправляла в отставку, маргинализировала. Но это уже особый разговор.

Б.В. Межуев. Например, франко-русский союз. Сейчас я немножко этим занимаюсь. Огромна роль консерваторов, именно консерваторов, в заключении франко-русского союза. В первую очередь Михаила Никифоровича Каткова, который считался буквально центральной фигурой, в том числе по влиянию на государя императора, для того чтобы этот союз был заключен через голову бюрократии.

А.И. Болдырев. Действительно, очень все точно – параметры консервативной мысли и те идеи, которые востребованы в современных условиях из наследия русской консервативной мысли. Хотя все равно я это называю томлением по идеологии. Это не собственная идеология. Как сказал бы Хайдеггер, антологической тяжести нет, которая зажигала общество так, что действительно умереть можно ради этих идей. Но все равно это важно, все равно это нужно. Здесь заговорили о цивилизационных особенностях. Мы идеократичны по своей цивилизационной принадлежности. Может быть, это самый важный параметр чаемого консерватизма. Сверхзадача должна быть общество поставлена, мессианская цель. Когда-то это Москва – третий Рим. Потом это несколько видоизменилось, пока не была сформулирована задача скачка из царства необходимости в царство свободы. Понимаете? Может быть, это и есть ключевой параметр консервативной мысли?

О.К. Авдеев. Ответу последовательно, по мере того как вопросы задавались. Где наши тори и наш консервативный слой. Я бы сказал, что тут мы переходим к цивилизационному измерению и должны у себя спросить, а чем Россия отличается от Европы?

Почему там тори есть, а у нас их никогда толком не было. Российские консерваторы никогда не составляли никакой партии в том смысле, в каком были консервативные партии в Европе. Историки определяют, что консерваторы в Британии опирались в такие-то годы на джентри. А в России, кроме того, что была дворянская империя, и сказать-то больше нечего. Я сейчас вспоминаю труды нашего историка-философа Семенова, который пытался своеобразно развивать марксизм. Он утверждал, что Россия при всех режимах представляла собой совершенно особую социально-экономическую формацию. В России никогда не было феодализма, никаких признаков его. Никогда не было капитализма. И не было социализма. И сейчас тоже нет ни того, ни другого, ни третьего. А всегда у нас была политарная формация, которая примерно ассоциируется с азиатским типом производства, по Марксу. Не вдаваясь в выкладки и в марксистские исследования, скажу: в этом что-то есть. Как определяет Семенов политарную формацию? Это формация, при которой собственником средств производства является весь правящий класс в целом, а мерой этой собственности является принадлежность к государству, то есть фактически государство является коллективным эксплуататором. Что здесь нужно и интересно для наших целей? То, что в России консервативным классом являются ни джентри, ни аристократия, ни служивое дворянство, в России консерватизм – это свойство государства и тех, кто на государство работает: государственных служащих, муниципальных служащих. Поэтому мы можем говорить об определенном консерватизме в Советском Союзе, потому что был большой слой государевых людей. И о консерватизме в Рос-

сийской империи уместно говорить, прежде всего в отношении к этим государевым людям. А партии свободных людей, работающих на себя и при этом разделяющих консервативные идеи, какими являются, например, консерваторы в США, этой партии у нас не было, нет и не будет. У нас, в силу названных причин, этот слой не хочет и не будет оформляться в партию. У нас консерватизма либо не будет, либо он будет формироваться как государственное мировоззрение. Государственные служащие являются консерваторами, и вместо партийной организации здесь организация государственная выступает.

Что касается идеократии, я согласен с тезисом Алексея Ивановича [Болдырева. – *Ред.*]. Особенность нашего культурно-исторического типа в том, что просто так жить мы не можем, мы должны воплощать какие-то идеи. Может быть, именно тем, что эта суть была уловлена большевиками, и удалось им взять и удержать власть, что-то там построить. Другой вопрос, что мы скорее всего, при обсуждении этой темы, как всегда, уткнемся в вопрос: что именно мы должны строить? Идеократия – это власть идеи. Какой именно идеи будет власть? И полемика развернется тут. С тем, что государство у нас идеократическое, мало уже кто спорит. И тут есть маленький парадокс. На первых Бердяевских чтениях Алексей Павлович Козырев сформулировал достаточно недвусмысленно, что, несмотря на определенный консерватизм российской истории, русская идея всегда отдавала в значительной степени левизной. Именно поэтому марксизм у нас так прижился. Поэтому, если это будет идеократия, то поиск этой идеи должен быть на стыке между правым и левым, между консерватизмом и левым проектом.